

Георгий Прохоров
Федор Достоевский:
досоветский, антисоветский и советский
(о политически мотивированных образах писателя)¹

Резкие изменения, подчас происходящие в том или ином обществе, ведут к переоценке как исторического опыта, так и ключевых фигур прошлого. Для России такую черту провел Октябрь 1917 г., отделивший идеологическим барьером веками выработанную культурную традицию от устремившегося к коммунизму общества. Как ощущался в самосознании человека и ученого этот барьер? Как исследователи мотивировали необходимость сохранения, изучения и актуального присутствия в обществе строителей коммунизма элементов дореволюционной культуры (писателей, литературных произведений, точек зрения)? Попробуем присмотреться к проблеме на примере тех исследователей, которые в 1920-е гг. «адаптировали» культурный образ Федора Достоевского к реальностям советского государства.

Осмысление творчества Достоевского началось задолго до 1917 г. Первая исследовательская интерпретация его творчества (и творческой личности) была предложена еще в научной биографии, созданной Орестом Миллером в 1883 г. В ней нашли проявление такие положения, как отсылка к глубокой, идущей из раннего детства, религиозности писателя:

© Георгий Прохоров. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках осуществляемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда исследования (проект 13-34-01281 «Музейное достоеведение 1920–30-х годов: документы, люди, контексты».

«Едва ли не самым ранним воспоминанием Ф<едора> М<ихайловича> было, как однажды няня привела его, лет около трех, при гостях в гостиную, заставила стать на колени перед образами и, как это всегда бывало на сон грядущий, прочесть молитву <...>. Воспоминание это врезалось в его память, молитву же ту он твердил всю жизнь и ею же напутствовал ко сну своих собственных детей»;²

или к врожденному знанию народа русского:

«...живая школа народности со своею самородною человечностью служила для Достоевского лучшим восполнением к той книжной школе, которую прошел он сперва в родительском доме, потом в высших учебных заведениях».³

Здесь же впервые появилось весьма интересное утверждение о «внепартийности» Достоевского: «Достоевский никогда не был „верноподданным революции“ (как выразился Самарин в этих письмах к Герцену), а потому не был никогда и „оппортунистом“».⁴ Такая точка зрения на Достоевского станет важной для дореволюционной традиции, особенно для представителей ее консервативного крыла. Как писал Иван Аксаков в письме к Константину Победоносцеву, Достоевский отстаивал не какой-то политический строй, не какую-то конкретную партию, а в веках сложившуюся систему ценностей: «В нем обретали себе опору и смелость высшие, нравственные идеалы, смутно и робко носимые в душе то того, то другого юноши».⁵

Религиозность, христианский консерватизм, лоялизм, легшие в основу оценки творческой биографии и творчества писателя, обрели особый идеологический смысл после Октября

---

² Миллер, Орест. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1883, с. 3.

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же, с. 176.

⁵ Чешихин-Ветринский, Василий. (Ред.) Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. М: Т-во И. Д. Сытина, 1912, с. 163.

1917 г. Совокупность установленных предшествующей традицией черт почти органично приводила Достоевского в стан «белых». Собственно говоря, деятелями эмиграции он был не только записан в «свои», но и поднят в качестве знамени: «Его философское и политическое мировоззрение — Достоевский великий борец против атеизма, материализма и социализма — может быть понято тоже как источник его религиозной веры, — писал в 1921 году Петр Струве. — Он был националистом во имя Бога, ибо в национальном призвании России он видел подлинный зов Божий».⁶ Схожие представления звучат в работах Елизаветы Кузьминой-Караваевой, Василия Зеньковского, Сергея Аскольдова.⁷ Ранее считавшийся «внепартийным» голос Достоевского отныне начинает звучать как пророческое обличение советской власти и советского государства:

«Завистливое и жадное, слабое и злорадное, кровавое и бесконечно-несчастное человечество, по мысли Шигалева (и научных социалистов, и Раскольниковца, и Великого Инквизитора, и многих других), лишь стадо баранов, стадо рабов, жаждущих плети — и указующего перста — господина. Поэтому надо, — по словам и героев „Бесов“, и Ткачева, и марксистов, — во имя интернационала <...> сомкнуться в партийные ячейки-пятерки <...>. И наступает царство коллективизма, „где каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом“».⁸

Из дореволюционной традиции был выведен «антисоветский» образ Достоевского.

Очевидно, такой облик не мог быть ни в коей мере принят в Советском Союзе. И действительно не был. Однако гляды-

---

⁶ Струве, Петр. Пророк русского духовного возрождения // Русские эмигранты о Достоевском. СПб.: Андреев и сыновья, 1994, с. 25-29; с. 27.

⁷ См.: Скобцова (Кузьмина-Караваева), Елизавета. Достоевский и современность. Paris: YMCA-press, 1929; Зеньковский, Василий. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948 (ч. II, гл. 11, § 6-12); Аскольдов, Сергей. Религиозно-этическое значение Достоевского // Долинин, Аркадий. [Ред.] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Вып. 1. Пг.: Мысль, 1922, с. 1-32.

⁸ Филиппов, Борис. Не мир, но меч: Заметки о Достоевском // Ф. М. Достоевский: 1881 – 100 – 1981. London: OPI, 1981, с. 9-30; с. 21, 22.

ваясь в 1920-е годы, мы видим парадокс, некогда уже отмеченный Рене Уэлеком: «После Октябрьской революции Достоевский был развенчан как литературный соперник Толстого, советские критики обращались к нему с большими оговорками. В эпоху сталинизма — Достоевский, по существу, запрещен» — и в то же время: «Вопреки официальному отношению, историки <литературы> Советской России внесли огромный вклад в понимание Достоевского».⁹

Оставшиеся в Советской России *достоевисты* — таково было обычное в 1920-х гг. обозначение специалистов по Достоевскому — и впрямь столкнулись с возможным запретом на Достоевского. Писатель и его творчество не приветствовались. Однако официального запрета все-таки никогда не было. Дело в том, что достоевистам 1920-х гг. удалось предложить адаптацию, приспособившую творчество и сам писательский облик к культурным нормам СССР. За ней стоял круг исследователей, наиболее активными среди которых были Вера Нечаева, Леонид Гроссман, Николай Бродский, Аркадий Долинин, в какой-то мере Павел Сакулин. Проследим же за рождением «советского» Достоевского. Кроме сохранения наследия писателя как доступного для советского читателя, данная адаптация проливает свет на взаимоотношение раннесоветской и имперской культур, на особенности становящегося самосознания советской русистики.

Несмотря на сложившийся в эмигрантских кругах «анти-советский» облик Достоевского, несмотря на глубинную вписанность Достоевского в социум Российской империи, несмотря на подозрительное отношение к Достоевскому левой интеллигенции XIX века (Николая Михайловского, Максима Антоновича¹⁰), да и, в конце концов, Ленина (ср. его характеристики «Преступления и Наказания» — «на эту дрянь у меня

---

⁹ Wellek, Rene. Introduction. A Sketch of the History of Dostoevsky Criticism // Wellek, R. (Ed.). Dostoevsky. A Collection of Critical Essays. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1962, p. 1–15; p. 4. (Пер. мой, Г. П.).

¹⁰ Анализ отношений левой интеллигенции к Достоевскому см.: Шульц, Оскар фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999, с. 15–55.

нет свободного времени»,¹¹ а его автора — «архискверный Достоевский»¹²), попытки адаптировать писателя к новым реалиям начались рано. Изначально стоял за ними сам нарком Просвещения Луначарский. На 1921 г. пришлась столетняя годовщина со дня рождения писателя (и сороколетняя со дня смерти), юбилей довольно широко отмечался. В рамках праздничных мероприятий свершилось выступление главы Наркомпроса, фактически возвращавшего Достоевского в круг «дозволенных» авторов. Что для этого предпринял для Луначарский?

Указал на непреходящее значение Достоевского для русской культуры, педалируя обостренный интерес Достоевского к жизни как она есть, в том числе и к ее демонической стороне: «Достоевский в душе обнимал и мадонн и носился на шабаш с бесстыдными ведьмами».¹³

---

¹¹ Отношение Ленина к Достоевскому видно из воспоминаний Николая Вольского (1879–1964, псевд. Валентинов), который приводит следующее суждение Вацлава Воровского (пол. *Wacław Worowski*, 1871–1923): «Он делит литературу на нужную ему и ненужную, а какими критериями пользуется при этом различении – мне неясно. Для чтения всех сборников „Знания“ он, видите ли, нашел время, а вот Достоевского сознательно игнорировал. „На эту дрянь у меня нет свободного времени“. Прочитав „Записки из Мертвого дома“ и „Преступление и Наказание“, он „Бесы“ и „Братьев Карамазовых“ читать не пожелал. „Содержание сих обоих пахучих произведений, заявил он, мне известно, для меня этого предостаточно. „Братьев Карамазовых“ начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило. Что же касается „Бесов“ – это явно реакционная гадость, подобная „Панургову Стаду“ Крестовского, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна, – что она мне может дать?“» См.: Вольский (Валентинов) Н. В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953, с. 86; http://pseudology.org/Valentinov_Lenin/04.htm.

¹² Формулировка из письма Ленина к Инессе Арманд. См.: Ленин, Владимир. Полное собрание сочинений : В 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1970. Т. 48, с. 260. Текст цитируется по электронному варианту издания: http://leninism.su/works/87-tom-48/379-pisma-may-iyun-1914.html#D0.98._D0.A4._D0.90.D0.A0.D0.9C.D0.90.D0.9D.D0.94_3.

¹³ Луначарский, Анатолий. Достоевский как художник и мыслитель // Красная Новь, 1921, № 4, с. 204–211. Здесь и далее текст цитируется по: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/dostoevskij-kak-hudoznik-i-myslitel>.

Однако самый главный ход, радикально выходящий за пределы как дореволюционной, так и эмигрантской концепций Достоевского, состоял в следующем:

«Да, Достоевский — социалист. Достоевский — революционер! Ему в величайшей мере присуща мысль, что люди должны построить себе новое царство на земле».¹⁴

В СССР у Достоевского тоже появилась партийность — только теперь «красная». Естественно, потребовались оговорки: Достоевский — «красный» до мозга костей, хотя и сломленный самодержавием.

Примечательно, что нарком использовал даже наработанный в «белой» традиции образ «пророка Достоевского», только кардинально деформируя референтность и коннотативность понятия: «Россия идет вперед мучительным, но славным путем и позади ее, благословляя ее на этот путь, стоят фигуры ее великих пророков и среди них, может быть, самая обаятельная и прекрасная фигура Федора Достоевского».¹⁵

Для «белой» традиции Достоевский — пророк, так как предупреждал об ужасах революции; для Луначарского — поскольку эту революцию предвкушал как апофеоз России и русского человека. Был там и еще примечательный момент — творчество Достоевского выступило для Луначарского средством полемики с формализмом: «Мы неоднократно в этой самой зале слышали от теоретиков искусства, что “форма и содержание в искусстве неотделимы”. Что <...> быть художником — значит искать совершенства формы! Так вот, если именно с этой точки зрения подойти к Достоевскому, то он художник слабый».¹⁶

Адаптация, советизация и подчинение Достоевского утилитарным нуждам советского государства в качестве инструмента пропаганды, культурной революции, борьбы с буржуазным научным течением, формализмом, — с самого начала пошли рядом.

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Луначарский был главой Наркомпроса, политиком, но литературоведом не был. Доклад на торжественном памятном мероприятии — это даже не статья. Потребовались годы целенаправленных усилий, чтобы сблизить Достоевского с советским государством. Кто и как создавал «советского» Достоевского?

Последовательное «интродуцирование» Достоевского в советский мир, прежде всего, связано с такой фигурой, как Вера Степановна Нечаева (1895—1979)¹⁷ — текстолог, архивист, достоевед, основатель и многолетний заведующий Московским музеем Достоевского. Нечаева известна как подчеркнута советский литературовед. Похоже, мысль о собственной «советскости» пронизывает весь научный путь этого человека, становясь методологической, авторефлексивной идеей-фикс. Воспоминания, которые Вера Степановна начала готовить незадолго до смерти (и которые, кажется, писались в стол), были, тем не менее, названы «Записки советского литературоведа».¹⁸ А вот так должна была начаться статья об основании Московского музея Достоевского (фрагмент был, вероятно, вырезан Георгием Фридендером при публикации в 1985 году¹⁹):

«Время, когда весь Советский Союз и все прогрессивное человечество готовится к празднованию шестидесятилетия Октября, вызвало во мне потребность рассказать о событии полувековой давности, в котором мне пришлось деятельно участвовать. Одним из знаменательных результатов Октябрьской революции было появление в стране густой сети государственных учреждений, ставящих целью изучение прошлого нашей страны, ее истории, культуры, искусства. Созданы тысячи библиотек, музеев, архивов, сделавших доступным для

---

¹⁷ По другим сведениям — из паспорта Нечаевой времен Российской империи — следует иной год рождения: 1893. См. материалы семейно-мемориального ресурса, созданного ее внучкой, Анной Дмитриевной Благой: <http://blagaya.ru/kto-ya/semya/vera-stepanovna-nechaeva/>.

¹⁸ См.: НИОР РГБ, ф. 792, к. 2, № 2.

¹⁹ Нечаева, Вера. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Вып. 6. Л.: Наука, 1985, с. 274.

каждого гражданина возможность не только знакомства, но более или менее глубокого изучения прошлого. Создание одного из многих Советских очагов исторического знания и является темой предлагаемой статьи».²⁰

Одной мысли о том, что кто-то может серьезно отнестись к имперским документам и добровольно предпочесть их советским наработкам, было достаточно, чтобы объявить взгляды такого исследователя практически еретическими. Всюду и везде: советское — высший знак качества: «...кажется несколько наивной уверенность Г. А. Федорова в возможности обнаружить <...> следы „фальсификации“ приговора, <...> мы имеем обратное мнение советского историка...»²¹.

Но так было не всегда.

Собственно, еще в пресловутом 1939 году исходный вариант последней фразы звучал иначе — «современный исследователь крестьянских движений свидетельствует...»²² Историк уже «свидетельствует» (не «утверждает», не «полагает», не «допускает»), но он еще просто «современный», а не «советский» — авторитетность его мнения еще вытекает из знакомства с самыми передовыми научными наработками, вновь открытыми документами, но не из политической и идеологической благонадежности.

Мы оказываемся пред лицом трансформации самой Нечаевой. Она вошла в историю науки как советский литературовед, однако, становление ее личности протекало в условиях весьма далеких от советскости. Выпустилась из частной московской гимназии Валицкой, окончила Московские Высшие женские курсы, писала дипломную работу по поэзии князя Вяземского под руководством далекого от марксизма и большевизма проф. Грузинского.²³ Умела хорошо рисовать в сти-

---

²⁰ НИОР РГБ, ф. 792, к. 2, № 2, л. 20.

²¹ Нечаева, Вера. Ранний Достоевский: 1821–1849. М.: Наука, 1979, с. 91.

²² Нечаева, Вера. В семье и усадьбе Достоевских. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939, с. 50.

²³ Данные взяты из Личного листка по учету кадров сотрудников Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. См.: ОХИД РГБ, оп. 161, № 460, л. 3-4. Сведения о научном руководителе содержатся в «Авто-

листике не то символизма, не то импрессионизма,²⁴ писала вписывающиеся в те же стилевые традиции стихи далекие от протестного движения по тематике:

Новодевичий монастырь

Колокольня и башни... Между башнями стены,
А за стенами кельи, гробницы, кресты...
В церкви кто-то читает, монотонно, без смены,
И шуршат под рукою старой книги листы.
«Иисусе сладчайший», — голос все повторяет
И склоняются плавно монахинь ряды...
Перед древней иконой свечка медленно тает,
Над окладом бумажные меркнут цветы.
Сумрак вешний так легок. Талый снег под ногами.
Звон вечерний протяжно и поет и грустит
В небе бледно-зеленом там вдали над лугами
Острый месяца серп загораясь дрожит.

(1916)²⁵

В общем и целом, это была настоящая барышня, неплохо подготовленная к жизни в Российской империи.

Несколько десятилетий спустя — сочиняя в октябре 1935 года автобиографию — Нечаева будет каяться в своем неучастии в студенческом движении 1917 г.:

«Жизнь за городом (в пос. Вешняки Каз<анской> ж<елезной> д<ороги>), необходимость зарабатывать деньги, тяжелая болезнь родителей в 1915—1916 г. — все это отрезало меня от общественной жизни студенчества, в которой я мало принимала участие. В октябре 1916 г. умерла от рака моя мать, а в январе 1917 от туберкулеза — отец. Под сильным впечатлением этих личных событий прошел для меня 1917 год».²⁶

биографии» Веры Нечаевой 1935 г. См.: НИОР РГБ, ф. 792, к. 1, № 5, л. 1-1 об.

²⁴ См. образец: <http://blagaya.ru/kto-ya/semya/vera-stepanovna-nechaeva/ris/>.

²⁵ <http://blagaya.ru/kto-ya/semya/vera-stepanovna-nechaeva/verses/novodevichij/>.

²⁶ Нечаева, Вера. Автобиография. 18 октября 1935 г. // НИОР РГБ, ф. 792, к. 1, № 5, л. 1-1 об.

Собственно, и в большую науку вошла как сподвижник Михаила Гершензона. Была его многолетним секретарем, помощником. Именно Гершензон занимался изданием первой книги Нечаевой (1922) в эмигрантском берлинском издании «Эпоха».²⁷ (Впрочем, серьезный интерес к Достоевскому он вряд ли бы одобрил: «О М. М. Дост<оевском> именно написать, а если есть новые материалы — тем лучше. Он лично мне симпатичнее брата, и с дарованием был человек»²⁸). В свою очередь, Нечаева на заседании Литературоведческой комиссии Государственной академии художественных наук защищала методологические взгляды Гершензона. Из письма Михаила Осиповича:

«Ежели бы Вы этот доклад превратили в напечатанную статью, мне было бы очень приятно. Но тогда надо было бы ответить на типичный довод Пиксанова: так называемая научность, то есть объективная верность выводов возможна только в точных науках, что же касается фактов духовного порядка, то она возможна в малой мере только при описании их, но не при их истолковании: здесь господствует иного рода достоверность и другая убедительность, как в суждениях о красоте».²⁹

Да и отставка из Центрархива была, вероятно, командной: с поста заведующего ушел Гершензон — следом за ним покинула Центрархив Нечаева:

«Вы посоветуете уехать в Вешняки, — я сейчас рада бы исполнить Ваш совет, но ведь есть Главархив, который смотрит и высказывается иначе, есть всевозможные бумажки и запросы, которые нам присылаются и на которые нужно отвечать (чего я не имею права делать), одним словом, нужно делать вид, что секция существует и

---

²⁷ Достоевский, Федор. Петербургская летопись: четыре статьи 1847 г. (Из неизданных произведений). / Предисловие Веры Нечаевой. Берлин; Пб.: Эпоха, 1922. Об участии Гершензона в издании этой книги см. в его письме к Нечаевой от 30 ноября 1922 г.: НИОР РГБ, ф. 792, к. 19, № 43, л. 3. См. также: Нечаева, Вера. Из воспоминаний..., с. 275.

²⁸ НИОР РГБ, ф. 792, к. 19, № 43, л. 16.

²⁹ НИОР РГБ, ф. 792, к. 19, № 43, л. 8.

чем-то занята, хотя бы до тех пор, пока Вы официально не ушли со службы. <...>. Не подумайте, пожалуйста, что я в чем-нибудь виню Вас: я так хорошо понимаю, что это все то же самое, что и Вам было в тягость. Я прошу Вашего совета и содействия. Напишите мне также о том, в каких Вы отношениях с Главархивом, т. е. ушли или нет, и как обстоит дело с будущим начальством» (30 июня 1921 г.).³⁰

Советской до мозга костей — «По линии антирелигиозной работы Музея <Достоевского> из материалов церковного архива с. Моногарова близ Дарового устроена витрина, демонстрирующая связь служebníков церкви с помещичьей властью, роль в помещичьем крепостном хозяйстве»³¹ — Нечаева стала после смерти Гершензона. Само это превращение досоветской исследовательницы в советскую, очевидно, вызывало иронию у ее ближайших знакомых, продолжавших интенсивно поздравлять с христианскими праздниками:

«Сегодня — Рождество Христово. Поздравляю Вас с праздником.

Душевно Ваш, Георгий Чулков».³²

До конца дней «советская» и «досоветская» страты Нечаевой переплетались. Один образ застилал и вытеснял другой, не замечая полностью. Например, так Вера Степановна объясняла интерес к Достоевскому речью Луначарского:

«...я целиком разделяла утверждения Луначарского о Достоевском в его юбилейной речи: „Достоевский был художником-лириком. Все его повести и романы — одна

---

³⁰ НИОР РГБ, ф. 746, к. 38, № 16, л. 3, 4. Ср. из «Автобиографии» 1935 года: «В 1922 г. при реформировке архивов я была уволена по сокращению штатов и не поступая вновь на службу стала заниматься исключительно научно-исследовательской и литературной работой» (НИОР РГБ, ф. 792, к. 1, № 5, л. 2).

³¹ Нечаева, Вера. План работ Музея им. Достоевского на 1931 год. (ОХИД РГБ, оп. 3, № 51, л. 90.)

³² Чулков, Георгий. Письма к В. С. Нечаевой. (НИОР РГБ, ф. 792, к. 18, № 77, л. 7.)

огненная река его собственных переживаний. Это — сплошное признание сокровенного своей души. Это страстное стремление признаться в своей внутренней правде. Это *первый* и основной момент в его творчестве <...> Достоевский тесно связан со всеми своими героями. Его кровь течет в их жилах. Его сердце бьется во всех создаваемых им образах”». ³³

Однако трудно сказать, чего в этом объяснении больше: Луначарского или ключевой для «веховца» Гершензона идеи, что всякий большой художник — поэт и лирик: «Художественный образ никогда не может быть типом, т.е. сводной фотографией с жизни: он — акт самораскрытия и самопознания, вольная или невольная повесть художника о самом себе». ³⁴

И после смерти Гершензона уже «советская» Нечаева продолжала дружить с его дочерью и женой. ³⁵ Входила в ближайший круг общения шурина Гершензона — ректора консерватории Александра Борисовича Гольденвейзера. (Интересно, что он, как и Нечаева, также был вполне советским, но его крестник и племянник — ведущий советский диссидент

---

³³ Нечаева, Вера. Из воспоминаний..., с. 276.

³⁴ Гершензон, Михаил. Видение поэта. Москва: Госиздат, 1919, с. 27. Ср. там же, с. 11: «Мир „Записок Охотника“ <...> — образы душевных состояний Тургенева, одетые в плоть, в фигуры, в быт и психологию орловских крестьян, а также — в пейзаж Орловской губернии». Эти идеи Гершензона когда-то сильно затронули Нечаеву. Во всяком случае, они нашли свое место в ее докладе о методологии Гершензона: «Основным приемом в раскрытии видения поэта <sic! — Г. П.> является путь „медленного чтения“, основанный на вере в глубокую искренность и правдивость поэта. Углублением приема „медлен<ного> чтен<ия>“ является анализ поэтического слова, как древнего мифа, оживающего в творческом горении <sic! — Г. П.> поэта» (НИОР РГБ, ф. 746, к. 38, № 16, л. 2 об.).

³⁵ Архив Нечаевой в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки содержит обширные дела с ее перепиской с Марией Гершензон-Гольденвейзер и Натальей Гершензон-Чегодаевой. О глубине отношений говорит такое относящееся к 1940 году прошение из Личного дела Нечаевой: «Прошу в счет неиспользованных мною дней отпуска разрешить взять свободный день завтра 26-го октября для присутствия на кремации близкого мне человека» (ОХИД РГБ, оп. 161, № 460, л. 58).

Андрей Сахаров, а среди двоюродных братьев — деятели еврейского движения, зарубежные ученые, юристы Александр Александрович, Алексей Александрович, Эммануэль Александрович, Николай Моисеевич Гольденвейзеры.)

Интересный намек на внутреннее отношение очень поздней Нечаевой к советской власти дает одно воспоминание Игоря Волгина:

«Я посетил Веру Степановну (кажется, она жила в одном из „академических домов“ на юго-западе Москвы), и мы долго беседовали. <...>. Я спросил Веру Степановну, что она думает о „Дневнике писателя“ — чуть ли не маргинальном, по тогдашним представлениям, текста. Он привлекал меня не только своей необычностью, но и тем, что в научном отношении это была абсолютная terra incognita. <...>. Покачав головой, она не без некоторой грусти заметила: „Да, 'Дневник' — тема совершенно не диссертабельная. — И, чуть подумав, добавила: — Но вы молоды, и, кто знает...“».³⁶

Вероятно, действиями Веры Степановны в известной степени руководил прагматизм — глубокая уверенность, что советская власть пришла всерьез и надолго, а жизнь — причем только начинающаяся — продолжается. Осуществив процесс превращения в советского литературоведа себя, Нечаева повторила знакомые манипуляции еще раз, но уже применительно к Достоевскому.

Что же потребовалось сделать, чтобы не допустить изъятие Достоевского из круга чтения советского человека, чтобы присутствие писателя в этом круге не казалось совсем уж причудливым? Подобно тому, как гуманистам Средних веков понадобилось представить Вергилия, Платона и прочих философов древности как почти христиан, точно так же Достоевский должен был оказаться почти советским человеком. После этого можно было рассчитывать на размещение писателя в лимбе советского общества.

---

³⁶ Волгин, Игорь. Воссозданный Достоевский: текст как текст // Тарасова, Наталья. „Дневник писателя“ Ф. М. Достоевского (1876 – 1877). Критика текста. М.: Квадрига, 2011, с. 10.

С первых же шагов в достоеведении Нечаева подчеркивает глубоко разнотинный характер мировоззрения писателя. В своем выступлении 11 ноября 1927 г. в мемориальной, но еще не ставшей музеем, квартире Достоевских на Новой Божедомке она отметит:

«Социальная среда, окружавшая Достоевского в детстве и юности, не является однородной по своей психологии и идеологии: в его окружении надо различать влияние трех общественных групп: демократ<ической> интеллигенции, купеческо-мещанского и мелкопоместного слоев».³⁷

Как видим, Достоевский — продукт смеси разных чинов, причем ведущую роль — руководил образованием писателя отец — в его самосознании играли воззрения демократической интеллигенции:

«Идеология первой группы — демократ<ической> интеллигенции — в ее старозаветной формации конца XVIII и начала XIX в. определялась ее зависимостью от идеологии господствующего класса — дворянства. <...> Плохая материальная обеспеченность диктовала своей группе трудолюбие, расчетливость, а громадное значение, которое имела для этой группы в борьбе за существование образованность, вызывала исключительное уважение к науке, книге, ученью. Представителем этой группы в семье Достоевского был отец, М. А. Достоевский».³⁸

Религиозность писателя становилась эмоциональным рудиментом, доставшимся от матери-купчихи:

«Идеология мещанства и мелкокупеческой среды вносилась в семью матерью М. Ф. Достоевской и ее многочисленной родней. Их характерными чертами

---

³⁷ РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, № 68, л. 6. Текст впервые опубликован в статье: Прохоров, Георгий. От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института, 2009, № 2(8), с. 125-126.

³⁸ Там же.

можно считать: меньшую культурность, преданность религиозным и бытовым обрядам и традициям и ярко выраженные хозяйственные черты».³⁹

Отметим откровенную идеологическую аранжировку: семья матери была ничуть не менее интеллигентской и образованной. Ее дядя — профессор медицины в Московской медико-хирургической академии и Московском университете (кстати, учитель ее будущего мужа), а дед — священник и корректор Московской синодальной типографии. Просто надо было как-то придать бытовой характер религиозности писателя...

Естественно, от дворянства тоже нельзя было никуда деться как от неопровержимого факта: «Владение небольшим имением в Тульской губернии вносило в быт семьи Достоевских черты, свойственные мелкопоместью: натуральное хозяйство, близкое общение с крепостными крестьянами и дворовыми, соблюдение с внешней стороны „барского“ уклада жизни».⁴⁰ Однако можно было этот факт микшировать (соблюдение уклада, но «с внешней стороны»), превратив постепенно почти в случайность: «Основные моменты <выставки>: 1) контраст быта и квартиры штаб-лекаря Д<остоевско>го с домом в Хамовниках Толстого и домом Хомяковых (музей 40-х годов), с усадебным бытом. 2) Дело Петрашевцев и каторга».⁴¹

Творческая личность Достоевского — и эта мысль постепенно становится краеугольной — сложилась не в Москве и тем более не в деревеньке в Тульской губернии, а в Петербурге с его социалистическими молодежными кружками: «Мировоззрение, усвоенное Достоевским в Московском доме, при переезде в Петербург, было быстро поколеблено. Петербург 40-х годов с его быстро растущей промышленностью и мощной демократической интеллигенцией новой „буржуазной“ формации оказал решительное влияние на его дальнейшее

---

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ОХИД РГБ, оп. 3, № 51, л. 65.

развитие».⁴² Дворянский опыт — глухой «задний двор» личности Достоевского, не играющий существенной роли в его биографии.

Видимо поэтому, получив 1 января 1929 года усадьбу Достоевских «Даровое» в качестве филиала Московского музея,⁴³ уже к началу мая Нечаева этот филиал ликвидировала, передав все объекты местному колхозу и сменив право оперативного управления шефскими отношениями:

«Особо надо выделить отношения Музея Достоевского к колхозу им. Достоевского, организованного в б<ывшем> им<ении> Достоевских „Даровое“. С членами колхоза была проведена беседа об охране дома и парка и разработан план устройства библиотеки-читальни в доме, после смерти М. А. Ивановой. Дальнейшая связь с колхозом поддерживалась через члена колхоза А. И. Макарова, служащего в Москве».⁴⁴

Даровое и связанное с ним барство всплывают лишь тогда, когда надо указать на неизбежность Революции и того, от чего отошел и отказался Федор Михайлович: «Характеристика России Николая I-го как период внутреннего развала феодально-крепостных отношений и крепнущего роста отношений буржуазных. Крестьянские волнения 30—40-х годов как показатели шаткости основ сословий дворянского строя (как пример, убийство отца Достоевского)» (из плана-конспекта выставки 1938 года).⁴⁵

---

⁴² РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, № 68, л. 6-6 об.

⁴³ См.: «31 декабря 1928 года. Настоящим Музейный п/отдел сообщает Вам, что усадьба „Даровое“ причисляется к Вашему музею как его филиал. О всех практических взаимоотношениях Вы договоритесь в п/отделе» (ЦГАМО, ф. 966, оп. 4, № 2341, л. 2.). Документ впервые опубликован в статье: Прохоров, Георгий. Письма М. А. и О. А. Ивановых к В. С. Нечаевой // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2013, № 30 (2), с. 336-337.

⁴⁴ ОХИД РГБ, оп. 3, № 51.

⁴⁵ ОХИД РГБ, оп. 3, № 50.

Такой Достоевский — вполне социалист и почти революционер, порвавший с порочными элементами своего прошлого. А что же его творчество?

Оно направлено в будущее, конечно же, социалистическое: «Достоевский сам неоднократно противопоставлял свои произведения помещичьей литературе и связывал себя с литературой будущего, нового общества, строившегося на развалинах феодально-крепостнического государства».⁴⁶ Отсюда — интерес к нестроениям феодально-капиталистической России, которые, действительно, непомерно детально изображены, но для того чтобы быть «безжалостно разоблаченными» писателем:

«...он проявляет острый интерес к поведению человека в социальной среде и видит в ненормальном строении человеческого общества условия, порождающие зло и страдания наиболее слабых и беззащитных его членов. Галерея „униженных и оскорбленных“, убийц, проституток, алкоголиков, умалишенных и т. д. показана им как неизбежный продукт уродливого общественного строя, который тем самым разоблачается Достоевским с потрясающей силой».⁴⁷

Перекодировка потребовала акцента на «природном социализме» писателя, пронесшем социалистические идеалы до конца жизни в виде «розового христианства», его «разночинном» происхождении, каторжной судьбе.

Так возникал «советский» Достоевский, тот самый образ, который 1960-е гг. получит весьма четкую характеристику: «Сегодня советские исследователи могут симпатизировать Достоевскому как критику царской России и пророку Революции, но они игнорируют или осуждают его поздние политические взгляды, отбрасывают его религиозные и философские воззрения как „мистицизм“ и „иррационализм“».⁴⁸

---

⁴⁶ НИОР РГБ, ф. 792, к. 5, № 15, л. 2 об.

⁴⁷ Там же, л. 4-4 об.

⁴⁸ Wellek, Rene. Introduction. A Sketch of the History of Dostoevsky Criticism, p. 4.

Была и обратная сторона. Она заключена в глубинной связанности изучающего субъекта и изучаемого объекта. Нечаева не просто приспособливает образ Достоевского к советским реалиям, не просто вводит приемлемые грани наследия Достоевского в советское общество. Она заставляет Достоевского, объект своего изучения, пройти в какой-то мере по своим собственным стезям. Устанавливается теснейшая связь между источником наблюдения и изучаемым объектом. Самосознание исследователя оказывается посредником между идеологией оригинала, требованиями власти и ожиданиями социума.